

ТРИЖДЫ АРИСТОКРАТ

Завтра исполняется 90 лет со дня рождения величайшего дирижера XX века *Независимая газета* — 1998. — 4 апр. — с. 7
Герберта фон Караяна

Вадим Журавлев

...Т ЕЛЕКАМЕРА блуждает по играющему оркестру: от периферийных контрабасов она уверенно ползет к сердцу «двухсотрукого» существа — дирижерскому пульту. По мере приближения к эпицентру музыкального приключения напряжение нарастает. Перед пустым пультом, вытянувшись, стоит небольшой худой человек. Глаза его закрыты, лицо перекошено экзотической гримасой, движения рук скупы, и только наличие острой дирижерской палочки с набалдашником наводит на мысль, что он дирижирует. В остальном пластика рук напоминает священнодействие жреца, вызывающего к жизни незримых духов музыки. С черным смокингом контрастируют лунно-седые волосы и белоснежная водолазка. Отсутствие партитуры, скупые жесты, нарушение обычной дирижерской униформы — что это: просто выпендрож, трюкачество, лишняя для симфонического концерта театральность? Все вместе. Но Караян мог позволить себе любую

даться в городе Моцарта. В Зальцбурге, который во многом благодаря слиянию этих двух великих музыкальных имен стал международной Меккой, где пересекаются многие туристические и артистические маршруты. Зальцбург и Берлин стали двумя географическими пунктами, в которых Караян добился, кажется, всего, о чем он мечтал еще с ранней молодости. В Вене ему не пришлось и «понюхать» атмосферы дирижерского пульта (во время обучения в столице он отбивал такт руками, а роль воображаемого оркестра играл пианист), затем мытарства по провинциальным немецким городам — Ульму, Аахену, где в его распоряжении всегда были неполноценные оркестры. Его жажда дирижировать любой ценой, даже в нацистской Германии, принесла Караяну впоследствии множество проблем: в Америке, да и в Европе ему еще долго пришлось отбиваться от обвинений в коллаборационизме. Но вот для него, как когда-то для Тосканини, был создан собственный оркестр — лондонская «Филармония». (Фирма ЕМІ еще после войны почувствовала, что на этих запи-

нений в среде критиков, была опера. Он ведь начинал с капельмейстерской работы в Ульме. Идеальный Караян, по-моему, это Караян в операх Вагнера. Красочный, фантастический мир вагнеровских легенд был, очевидно, наиболее близок дирижеру как истинному музыкальному визионеру. Хотя он достойно дирижировал отдельными операми итальянского и французского репертуара, его «Лючия» и «Мадам Баттерфляй» с Марией Каллас могут быть причислены к эталонным. А лучшая из ныне существующих записей «Кармен» (с Леонтин Прйс и Франко Корелли) тоже принадлежит Караяну. Удивительно, но с Моцартом было сложнее: может, потому Караян и не допускал в Зальцбург уже набравшего силу Николауса Арнокура, что чувствовал ущербность собственного романтизированного видения этой музыки по сравнению с аутентичными версиями? В Зальцбурге Караян добился самого необычного права — он сам ставил свои спектакли, вплоть до света он все делал сам. Именно это стремление погубило в свое время диалог Караяна и Байрейтского фес-

Герберт фон Караян за дирижерским пультом.
Фото ИТАР-ТАСС

экстравагантность или чрезмерную рафинированность, ведь внешние эффекты у него никогда не подменяли главного — музыки. И через десять лет после его смерти, как любое выдающееся творение искусства, его интерпретации, записанные и растиражированные, продолжают вызывать споры и разногласия.

В молодости он увлекался быстрыми темпами, создавая впечатление неукротимой энергии, не делая преувеличенных пауз и, может быть, слишком строго придерживаясь партитуры и ремарок авторов. В старости — ну как забыть эти божественные длинноты, увеличивающие порой время исполнения чуть ли не в два раза по сравнению с привычным звучанием, эти эффектные «минуты молчания» оркестра, в которых поиски философского смысла музыки Бетховена и Малера становятся важнее самого процесса слаженного совместного музицирования сотни людей. Или финал его записи «Дон Жуана», когда сквозоз «неправильную», романтизированную моцартовскую музыку проступает космический масштаб визионерских взглядов Караяна. Сейчас трудно даже поверить в то, что всю свою жизнь Караян находился под обстрелом критики. Тем более что и сам он многократно подавал поводы для критики. И все же тот канонизированный, живущий в сознании большинства культурных людей мира Караян — величайший дирижер, непревзойденный авторитет в послевоенном искусстве, перевернувший всякое представление среднего европейца о музыке, принесший в растерзанную мировой войной Европу идеалы духовного абсолюта, сильно отличающегося от реальной исторической фигуры.

Потомок греческих эмигрантов Караянисов («Черных Ягнсов»), дважды дворянин (Гогенцоллерны поощрили его деда за вклад в развитие текстильной промышленности), Габсбургам пришлось по душе деятельность его отца, работавшего в больнице), Герберт фон Караян просто должен был ро-

диться в городе Моцарта. В Зальцбурге, который во многом благодаря слиянию этих двух великих музыкальных имен стал международной Меккой, где пересекаются многие туристические и артистические маршруты. Зальцбург и Берлин стали двумя географическими пунктами, в которых Караян добился, кажется, всего, о чем он мечтал еще с ранней молодости. В Вене ему не пришлось и «понюхать» атмосферы дирижерского пульта (во время обучения в столице он отбивал такт руками, а роль воображаемого оркестра играл пианист), затем мытарства по провинциальным немецким городам — Ульму, Аахену, где в его распоряжении всегда были неполноценные оркестры. Его жажда дирижировать любой ценой, даже в нацистской Германии, принесла Караяну впоследствии множество проблем: в Америке, да и в Европе ему еще долго пришлось отбиваться от обвинений в коллаборационизме. Но вот для него, как когда-то для Тосканини, был создан собственный оркестр — лондонская «Филармония». (Фирма ЕМІ еще после войны почувствовала, что на этих запи-

сках можно хорошо заработать.) Но Караяну было мало этого — ему нужен был главный оркестр Берлинской филармонии. И тут он ни перед чем не остановился, буквально шантажировал оркестрантов. Дело было так. Фуртвенглер, который всегда недолюбливал Караяна и относился к нему очень ревниво (это ему принадлежит знаменитая фраза: «Музыка Караяна — это поле цветов из иллюминатора самолета: красиво, но без запаха!»), скончался накануне гастрольной оркестры в США. Караян согласился спасти «Берлинер филармоникер», если они выберут его главным дирижером. Он встал в ряд с великими дирижерами, возглавлявшими оркестр: Бюлов, Никиш, Фуртвенглер. Альянс Караяна и оркестра, которые стали настолько неразлучными, что Караян создал позже еще и Пасхальный фестиваль в Зальцбурге специально для берлинских музыкантов, принес самые неожиданные плоды в послевоенной культуре. Классическая музыка, искусство избранных, неожиданно стала интересовать все большее количество людей. Она перестала быть искусством элитарным, в Европе стали строить новые концертные залы, рождалась современная филармоническая система. Причем Караян и пальцем не ударил, чтобы популяризовать классику: его рафинированность и отстранение от процесса вульгарного популизма были тоже одним из правил его игры. Зато один аристократический вид этого красивого черноволосого мужчины с демоническим профилем, появившегося регулярно на гоночной яхте и на горнолыжных трассах, на фешенебельных курортах со своей молодой женой, бывшей французской манекенщицей, привлекал и завораживал. Те, кто слышал Караяна живьем, и вовсе не могут расстаться с тем магическим ощущением — вены до сих пор могут часами рассказывать о Караяне и его интерпретациях различных симфоний и опер.

Другой стезей Караяна, вызывавшей особенно много вол-

тывала, где он хотел не только дирижировать, но и ставить. Внуки Вагнера, оба претендовавшие на роль режиссеров, отказали. В Зальцбурге он смог поставить сам. Что из этого получилось — в общем, ничего хорошего, его спектакли были похожи на тысячи оперных спектаклей в мире, есть даже записи (в нашем прокате шла когда-то «Кармен» с Джоном Викарсом и Грейс Бамбри). Еще хуже дело обстоит с подбором певцов. Как и с солистами-инструменталистами, Караян работал только со своими певцами. И если он полюбил кого-нибудь, то пиши пропало. У него субреточная Френи пела драматическую партию Аиды, а лирическая Ричарелли — «стенобитную» партию Турандот. Он мог запросто навесить ярлык на того же Бурчуладзе — «новый Шалпин», пригласить его спеть Командора в «Дон Жуане». А дальше — как знаешь, пойдешь соответствующим ярлыку.

Вместе с Караяном ушли романтическая традиция и эпоха абсолютных авторитетов, музыкальный аристократизм, уступивший место всеобщей демократии и вседозволенности на концертных эстрадах. Стоит признать, что после смерти Караяна в мире музыки все очень сильно изменилось. Вот и Берлинский филармонический оркестр уже через четыре года расстанется с преемником Караяна — Клаудио Аббадо, а Жерар Мортье буквально за пару лет «перепачкал» Зальцбургский фестиваль, превратив его в царство режиссеров и музыки XX века, отдающее дань уважения местным идолам — Моцарту (обязательная ежегодная постановка) и Караяну (в этом году, как при Караяне, здесь поставят вердиевского «Дон Карлоса»).

Когда Караян умер, его оркестранты дали концерт без дирижера. Сейчас, через десять лет после его смерти, уже понятно, что никому так и не удастся занять его место за дирижерским пультом. И через сотню лет любители музыки во всем мире будут уважительно тянуть: «Это что! Вот Караян делал так...»